

дит успокоение. Но иррациональное в мифе еще важнее, поскольку затрагивает в человеческой душе те „болевы́е“ точки, которые находятся вне сознания человека, вне его рационализма»¹. Например, именно с помощью мифологизации зачастую политические оппоненты превращаются во «врагов» всей страны.

Роль информационного сопровождения политических переговоров заключается в возможности создания вокруг переговоров благоприятной атмосферы, а также в решении ряда задач с помощью методов манипуляционного воздействия на общественное мнение.

Косоруков Артем Андреевич

Кандидат политических наук, кафедра политического анализа, факультет государственного управления Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

Информационное государство: основные тенденции развития

Аннотация

Возникновение и развитие информационного государства ставит перед исследователями целый ряд проблем: как обеспечить сочетание интересов индивида и государства, как в рамках информационного государства развивать представительную демократию, поддерживать политическое участие, гарантировать последовательный электоральный процесс, формировать идентичность гражданина, определять границы информационных систем, укреплять память информационного государства и поддерживать лица принимающие решения.

Ключевые слова: информационное государство, индивид, представительная демократия, панспектрон, политическое участие.

В современном мире информационное государство становится все ближе к индивиду, а сам индивид пытается все дальше уйти от государства. Распространенная во многих государствах модель представительной демократии требует индивидуального знания о деятельности государства и достаточных знаний у самого государства о гражданах, их политических предпочтениях и различных ресурсах. Еще одна модель, получающая всё большее распространение, модель государства всеобщего благосостояния способствует росту информационных потребностей индивидов, которые получают необходимую информацию для самостоятельного участия в политике.

В процессе своего становления государство и общество никогда не находились в отношениях абсолютной симметрии и полной прозрачности. В информационном государстве способность государства собирать и обрабатывать информацию о своих гражданах выросла на порядок. В то же время возросшая способность граждан узнавать о том, что делает государство, в относительном выражении уменьшилась вследствие недоступности для большинства индивидов первоисточника подачи информации.

¹ *Почепцов Г. Г.* Теория коммуникации. — М., 2001. — С. 97.

В информационном государстве это явление может означать замену паноптикума¹ панспектроном² как теоретической основы происходящего процесса. Концепция паноптикума строится на практике наблюдения, где сначала определяются отдельные объекты наблюдения, а затем для наблюдения за ними выбираются соответствующие методы. Использование методов наблюдения как средства контроля за индивидами со стороны государства вызывает кумулятивный эффект для управляющих практик бюрократического государства. Концепция панспектрона предполагает постоянный сбор информации обо всех индивидах, а также по отдельным предметам интереса государства, но получение информации в обратную сторону возможно только как ответ на запрос. Панспектрон становится новым механизмом контроля со стороны государства, в результате чего оно может управлять множеством объектов одновременно так, чтобы они никогда не осознавали как, когда и с какой целью за ними наблюдают.

Возникает противоречие между государством и индивидом в процессе развития информационного государства. Если государство стремится получать объективную информацию от собственных информационных служб, то индивиды опираются либо на свои силы, либо пользуются плодами труда государственных и частных информационных акторов. Данное различие в возможностях сбора и обработки информации углубляет, согласно теории сложных адаптивных систем³, несоответствие необходимого и фактического участия индивидов в построении устойчивой системы информационного государства, что ставит под вопрос работоспособность представительной демократии.

Повсеместное использование цифровых технологий может фактически уменьшить, а не увеличить возможности представительной демократии в информационном государстве. Если раньше наиболее важными информационными технологиями для политической практики были устные беседы и письменные тексты, то достижение всеобщей грамотности населения стало достаточным для доступа к политическим знаниям и дискурсам, на которых основаны политические решения. В настоящее время, когда сложные цифровые технологии обеспечивают большую часть вклада в принятие политических решений, доступ к ним стал ограничиваться меньшим количеством лиц. В результате граждане информационного государства менее способны квалифицированно и осознанно участвовать в принятии решений в рамках представительной демократии. Так, концепция Шадсон об увещательном гражданине⁴ описывает виды знания, необходимые для того, чтобы быть информированным гражданином в XXI веке, но данная позиция выглядит слишком оптимистичной, так как не описывает информационные логистические барьеры на пути до-

¹ Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / Пер. с фр. В. Наумова под ред. И. Борисовой. — М.: Ad Marginem, 1999. — 479 с.

² De Landa M. Philosophy and Simulation: The Emergence of Synthetic Reason. — London & New York: Continuum, 2011. — 226 p.

³ MacLennan B. Evolutionary Psychology, Complex Systems, and Social Theory // Jstor. — 2007. — Vol. 90, № 3/4. — P. 169–189.

⁴ Schudson M. The Good Citizen: A History of American Civic Life. — New York: The Free Press, 1998. — 394 p.

стижения подобной информированности. В информационном государстве еще не разработаны ни соответствующие образовательные системы, ни способы и места проведения соответствующего общественного дискурса, необходимого для квалифицированного и информированного политического участия граждан, которое должно начинаться с построения социального дизайна и структуры технологических систем, а не с низкоэффективного вовлечения граждан в конституционно обозначенные рамки представительной демократии.

В информационном государстве цифровые технологии могли бы расширить возможности для участия граждан в голосовании через референдумы и проведение электронного голосования. Однако, на практике они снижают доверие избирателей вследствие массового беспокойства по поводу того, что их голоса не будут точно учтены и подвергнутся манипуляции. Традиционные представления о мобилизации в модели представительной демократии не предполагают оценку информационной доказанности итогов голосования. Вследствие этого голос избирателя сам по себе может стать неэффективным, а факт голосования может быть использован для оправдания радикальных действий различных политических сил, даже несмотря на официальную публикацию результатов голосования.

Индивидуальность политического участия, которая должна была бы усилиться в рамках информационного государства, заменяется статистической вероятностью. Если достоверные и надежные статистические портреты могли бы дополнить информацию о физических лицах, то в действительности они обеспечивают лишь частичную картину или искажают ее в интересах государства. Подобное вторжение статистики в политический и электоральный процесс может превысить простой ущерб для сложной адаптивной системы от погрешности результатов, так как статистика не учитывает не поддающиеся исчислению права человека и гражданские свободы.

Доступ к информации используется информационным государством для активных управленческих воздействий. Так, в течение последних нескольких десятилетий США осуществили переход к онлайн-размещению правительственной информации и одновременно увеличили свой контроль над тем, какая информация там представлена и над тем как, и даже то какие данные собираются «независимыми» агентствами. Односторонность воздействия на граждан в информационном государстве имеет свои недостатки. Так, государство не в состоянии учесть всей сложности факторов, влияющих на идентичность гражданина, поэтому его нормативно-правовое воздействие приводит к неопределенности в понимании гражданином своей идентичности. Более того, превалирование юридической формы над информационным содержанием в информационном государстве привело к созданию категории гибридного гражданства, угрозе потери гражданства в связи с высказываниями или поведением, расширению границ действия законодательства за пределы географической территории, росту сферы секретности в деятельности государства, что в совокупности подрывает уверенность гражданина в своей идентичности.

В информационном государстве понятие границы может быть заменено понятием пограничных зон различной ширины, когда речь идет о

культурных, социальных и экономических практиках между государствами. Более важным является появление дополнительных границ, которые не являются географическими, а отображены в информационных системах. При изучении личной информации тех, кто хотел бы пересечь границу государства, данная граница проходит не только вокруг территорий государства, но и по территориям зарубежных стран. Таким образом, границы информационных систем, которые не отображаются на географических границах, в настоящее время задействованы в поддержку последних.

Информационное государство обладает гораздо большими знаниями о процессах, которые одновременно взаимодействуют по всему миру в настоящем, чем в прошлом. Память информационного государства в терминах теории систем является фрагментарной и непоследовательной. В результате знание о настоящем служит целям контроля и управления, но не планирования. Должное сочетание знаний о прошлом и настоящем имеет неоценимое значение для лиц принимающих решения, которые стремятся избежать манипулирования со стороны других акторов, конструирующих прошлое.

Библиография

1. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / Пер. с фр. В. Наумова под ред. И. Борисовой. — М.: Ad Marginem, 1999. — 479 с.
2. De Landa M. Philosophy and Simulation: The Emergence of Synthetic Reason. — London & New York: Continuum, 2011. — 226 p.
3. MacLennan B. Evolutionary Psychology, Complex Systems, and Social Theory // Jstor. — 2007. — Vol. 90. — № 3/4. — P. 169–189.
4. Schudson M. The Good Citizen: A History of American Civic Life. — New York: The Free Press, 1998. — 394 p.

Родина Елизавета Юрьевна

Студентка кафедры социологии и психологии политики
факультета политологии

Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

Система символов и стереотипов, транслируемых представителями оппозиции в сети интернет

Аннотация

В статье рассматривается процесс формирования устойчивой системы символов и стереотипов, возникшей на фоне протестных активностей 2011–2012 года и закрепившейся в общественном сознании посредством интернета в целом и социальных сетей в частности.

Ключевые слова: интернет, социальная сеть, символ, стереотип, схемы стереотипии, оппозиция, словарь оппозиции, акции протеста.

В публичной сфере русского сегмента интернета преобладает мнение, что акции протеста 2011–2012 годов стали реальностью именно благодаря мобилизации населения через онлайн-ресурсы, в особенности — социальные